

Сергей Панченко

**ПЕКЛО.
ПОЛЯРНЫЙ ПРЕДЕЛ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
П16

П16 **Панченко С.**
Пекло. Полярный предел. / Сергей Панченко – М.: Литнет, 2026. – 416 с.

ISBN 978-5-524-00899-2

Тектоническая волна, разрушившая мир, докатилась до северных морей. Поднявшееся дно оголилось, что привело к испарению кристаллов метангидратов. Процесс вызвал жуткое похолодание в полярных районах и когда до них добралось пекло, произошла компенсация, вылившаяся в жуткие грозы и ураганы со смерчами. Забытый богом поселок Тихий оказался на границе столкновения стихий.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00899-2

© Литнет, 2026

© С. Панченко, 2026

Глава 1

Позабытый богом поселок Тихий, расположенный на широте, за которой начинался полярный круг, доживал последние годы своего существования на берегу реки Пур. Построили его в советское время, в конце шестидесятых. Тогда весь край заполонили геологи в поисках нефти и газа, в которых остро нуждалась страна. Но в этом месте нашли залежи никельсодержащей руды. Недолго думая, построили поселок о пяти двухэтажных домах, поставили причал и проложили двадцать километров узкоколейки до месторождения. Жизнь в этом продуваемом ледяными ветрами природном захолустье забила ключом.

Баржи с рудой регулярно отправлялись вниз к речным портам, обратно возвращаясь с товаром и почтой. Связь с Большой землей в летнее время не затихала, но с окончанием сезона замирала. Два раза в месяц в поселок прилетал вертолет с продуктами, периодикой и лекарствами. Забирал больных, кто нуждался в стационаре. На всякий случай в Тихом имелись аэросани, как скорая помощь для особо важных дел.

Спустя пять лет после появления поселка рядом с ним ненцы разбили свой оленеводческий. Им смотаться в Уренгой в любой мороз или выюгу ничего не стоило. На них привыкли рассчитывать, а ненцы, в свою очередь, привязались к культурной жизни: ходили в кинотеатр, устраивали праздники в рабочей столовой. Одним словом, синергия придавала Тихому полновесности жизни. За зиму у причала вырастали горы руды.

Так было до конца советских времен, а потом все резко поменялось. Добычу посчитали нерентабельной, месторождение закрыли, технику вывезли, кинотеатр и столовую разобрали. Люди при этом, живущие в своих домах, другое жилье больше не могли получить, и это сыграло для некоторых определяющую роль. Несколько семей остались, надеясь, что их не бросят здесь.

Все, кто не уехал, заняли две двухподъездные двухэтажки. Котельную к остальным домам перекрыли, отапливали только эти два. Уголь для нее вначале привозили раз в год. Потом перестали. Благодаря тому, что у людей было время приспособиться к новым условиям, без тепла не остались. Рядом, в пятидесяти километрах восточнее, открылось большое месторождение газа. Большинство мужчин устроились работать на нем вахтами. На заработанные деньги, да еще используя различные связи, покупали уголь или мазут по бросовой цене.

Продукты же возили сами: летом – на лодках из Уренгоя, зимой – как придется. Иногда предприниматели сами решались за хорошую маржу привезти на снегоходах. По прямой от Уренгоя это было не так уж и далеко. Но это если хорошо знать дорогу и уметь ориентироваться, если вдруг завьюжило.

Ненцы ушли, как только культурная жизнь захирела. Накупили на Большой земле импортных телевизоров, видеомagneтофонов, бензиновых генераторов и сами себе устраивали досуг. Иногда зимой вдруг объявлялся кто-нибудь из них, как будто узнать, не вымерли ли еще последние жители. Но нет, самые стойкие научились выживать и даже понятия не имели, что им плохо живется. Если не смотреть на темные глазницы окон пустующих домов, со свистом продуваемых ветрами, то Тихий был в некотором смысле райским местом, уединенным, пережившим эпоху девяностых без кровавых потрясений.

Если бы не дети, для которых мечталось другое будущее, можно было бы совсем не задумываться о переезде на Большую землю. Но к этой проблеме в последние годы стала добавляться новая, намекая, что дни Тихого сочтены. Климат стал теплее, вечная мерзлота отогревалась за лето и не успевала замерзнуть на ту же глубину за зиму. Дома, стоящие на сваях, кренились. В стенах появлялись трещины. Дороги, по которым раньше свободно проезжали на мотоцикле, становились топкими, непролазными. Узкоколей-

ка, раньше идеально ровная, как стрела, завияляла вверх-вниз и в стороны.

Страшнее всего были выбросы метана, образующие в породе круглые провалы. Возле Тихого уже имелись два таких, и каждое их появление сопровождалось пугающими звуками. Суеверные оленеводы считали, что это злые духи лезут из земли, потому что люди качают нефть и газ из нее. В мае две семьи покинули поселок. Уехали наудачу, сами не зная, как и где смогут устроиться. Никто не посмел упрекнуть их в глупости. Каждый оставшийся здесь считал, что это он проявляет легкомыслие, убеждая себя повременить, зная, что это не принесет никакой пользы и только отсрочит очевидное решение.

В Тихом остались двенадцать семей и два бобыля. Самые упертые, кто не смог выдержать мыслей о перемене, одичали, превратились в «маугли», для которых тот мир непонятен, неприятен и опасен. До последнего работали вахтами, предаваясь в перерывах между ними простым и понятным развлечениям, присущим маленьким поселкам.

Иван Щербаков, парень двадцати восьми лет, жил с матерью Валентиной. Сестра Алёнка, младше него на восемь лет и рожденная от другого отца, уехала вначале в Новый Уренгой, а оттуда в Екатеринбург, приобщаться к цивилизации. Дома появлялась один раз в год, обычно в июле. Вся такая расфуфыренная, с подарками, при деньгах. Изображала в разговоре уральский прононс, пытаясь показать, что она уже не одна из жителей Тихого. Это жутко бесило Ивана. Алёна не унижала его намеренно, но давала понять, что, оставшись в захолустном поселке, брат становился для людей с Большой земли дикарем. В это легко верилось, потому что в Тихом до сих пор не было сотовой связи, а интернетом пользовались только через спутниковые тарелки с ужасно медленной скоростью передачи данных.

– Так и помрешь ты тут, Вануйто, не попробовав роллы и суши, – как-то поддела Алёна брата.

Вануйто – прозвище Ивана. Так его звали, потому что отцом его был оленевод-ненец. Мать не называла его имени и вообще никак не хотела, чтобы сын стал искать родителя. Видимо, для нее то событие являлось слишком травмирующим. А Иван и не собирався этого делать. Его все устраивало. Несоответствие внешности и имени в Тихом никого не удивляло, и это обстоятельство тоже служило причиной жить здесь. Тут он был абсолютно своим.

Зимой Иван подрабатывал трактористом на газодобывающем комплексе, а лето целиком проводил в поселке. Целыми днями занимался ловлей рыбы, развешивал ее и сушил или коптил в пустующих квартирах. Возил сдавать оптом в Уренгой тамошнему предпринимателю. За раз мог нагрузить в большую моторку до трехсот килограммов сушеной рыбы. По меркам Большой земли платили ему скупно, по триста рублей за килограмм, но по зарплатам жителей поселка это были приличные деньги.

Однажды он узнал, что предприниматель, покупающий у него рыбу, фасует ее штучно и продает так дорого, что нормальные люди вряд ли бы стали ее покупать. Если бы Иван продавал ее сам по такой цене, то одной лодки рыбы хватило бы на покупку квартиры в том же Уренгое. Об этом он не стал рассказывать никому, особенно матери, чтобы ей не пришла идея начать собственное дело и уехать отсюда. А она могла, потому что переживала каждый раз, когда Алёна была вынуждена добираться до Тихого разными способами. Ей всегда казалось, что они небезопасны.

В последний раз, когда Иван отвозил рыбу, он созвонился с сестрой и узнал, что она должна приехать через три дня. Общежитие училища пострадало от землетрясения, и студентов на всякий случай выселили, по-быстрому приняв экзамены. Иван пообещал ей, что останется в Уренгое, встретит и заберет в поселок.

– Пробовал я ваши роллы. Такая дрянь, если честно. Один рис и какая-то мазня внутри. – Иван специально заказал себе их в уренгойской забегаловке, чтобы иметь представление о том, что

едят люди на Большой земле. – Я тебя такими блюдами угощу, ты назад не вернешься, – пообещал он сестре.

– Боже упаси, Вануйто. От одной мысли остаться жить в Тихом у меня начинается депрессия. Я же там повешусь и буду висеть сохнуть, как твоя рыба, – ответила Алёна. – Чего вам привезти с мамой? Она не болеет?

– Жалуется на боли в груди. Простыла недавно. Пошла перед дождем за морошкой. Я ей говорю: ходи вдоль железки, иначе провалишься в болото. У нас тут, знаешь, как теперь развозит летом: чуть загляделся – и по пояс в жиже. Короче, как я сказал, так и получилось – вначале провалилась, потом под дождь попала, кашляла неделю. Тамара ее отпаивала чем-то, сбивала температуру. Мокрота такая отходила, я замучился ее из дома выносить. Вылечила, но боль в груди осталась. Привези чего-нибудь, если понимаешь, а то у меня только одно средство – самогон на ягодах.

– Ага, додумайся алкоголем лечить. Привезу обязательно, ты только встреть меня.

– Я же сказал, – обиделся Иван.

Ему повезло – он повстречал на речном причале собирающегося домой Бориса, одного из бобылей, и с ним передал, что останется ждать сестру, иначе мама начала бы волноваться. Ей иногда казалось, что большие деньги, которые Иван получал от продажи рыбы, могли вызвать интерес со стороны плохих ребят. Или же сын сам не справится с искушением и пойдет кутить налево и направо. Ивану было жалко мать – она прожила непростую жизнь и составила об окружающих ее людях довольно негативное мнение. Кроме тех, кто жил в Тихом.

Иван снял на три дня двухместный номер в гостинице. Администратор намекала ему, чтобы он заплатил ей за обоих постояльцев, чтобы она никого к нему не подселила. Иван пожадничал и не прогадал. Кроме него, за эти три дня других новых постояльцев не нашлось. Иван, чтобы не тратить время зря, обошел Уренгой

вдоль и поперек и успел посидеть в интернете в компьютерном клубе. Много повидал, на многое открылись глаза, даже захотел жениться. Удивили новости о том, что мир содрогался в регулярных конвульсиях землетрясений. Тихий тоже трясло, но это проявлялось в дребезжании посуды, как будто мимо дома проезжал гусеничный трактор. Ничего страшного не происходило.

– Не надо мне туда, – пришел Иван к выводу насчет переселения на Большую землю.

Он не слушал байки темных оленеводов про подземных духов, может быть, и зря. Ведь нельзя же было игнорировать то, как мир себя вел в последнее время. На что-то он обиделся, давал знать об этом, но люди, как слепцы, считали, что тому совсем другие причины, а они не при делах. Ненецкие шаманы говорили: если событие тебя касается, значит, оно произошло для тебя. Думай, делай выводы и поступай так, чтобы оно не повторялось. Как-то во время общения с тем же Борисом, который помогал ему с сушкой рыбы, тот высказал мысль, что наука, с одной стороны, содействует людям в противостоянии вызовам природы, но с другой – создает стену непонимания иррационального, тоже являющегося частью природы, которое неспособна объяснить. Игнорируя эту сторону, люди невозможно далеко ушли от гармоничного восприятия мира и перестали понимать язык, на котором тот с ними пытался разговаривать. В будущем это непонимание обязательно должно было закончиться чем-нибудь нехорошим.

– Самое тихое место в мире будет в Тихом, – в шутку предположил тогда Борис.

– А как же твои родственники?

– А что родственники? Они знают, куда ехать. Я их отговаривал, но им приятнее общество, чем рай в шалаше. Они, видите ли, комплексуют из-за своей одичалости. Им хочется на такси ездить, а не на снегоходе или олене. Им хочется магазин в доме, интернет и клубы. Я что могу им сделать? Поймут, только когда петух

жареный в жопу клюнет, – Борис говорил о семье брата, уехавшей из поселка пять лет назад.

– Может, и не клюнет.

– Мне все равно. Я их и себя не виню. Кто что хотел, то и получил.

Эти слова запали Ивану в душу. Он понял, что уже получил, что хотел. Ему все нравилось в размеренном образе жизни. Отсутствие суеты он считал огромным плюсом. Оставалось найти себе подругу, разделяющую его взгляды, и можно было на этом остановиться и жить в свое удовольствие. С подругами в Тихом не задалось. Все девушки мечтали об одном – скорее уехать отсюда. Даже такой завидный жених, пропахший рыбой, как он, не мог повлиять на их выбор.

Иван бродил бесцельно по улицам Уренгоя, по некоторым уже по второму разу. В задумчивости чуть не попал под машину. Привычки смотреть на дорогу, прежде чем ее пересечь, у него не развилось.

– Вон зебра, в десяти шагах, – выкрикнул ему в открытое окно возмущенный водитель.

Иван завертел головой, но никакой зебры не увидел. Решил, что это такой вид замечания для невнимательных пешеходов. Благодарно осмотрелся и перебежал на другую сторону. Прошел один квартал и увидел у здания кафе четыре грузовика. Поняв, что и сам не против перекусить, направился к дверям заведения.

Здесь пахло так же, как в столовой интерната, где он отучился девять лет, но интерьер выглядел гораздо наряднее. Водители – он сразу понял, что это они, – сидели за одним столом. Помимо них, в зале находились молодая парочка, решившая устроить романтическое свидание, и двое мужчин, сидевшие за столами поодиночке. Эти точно были не местными, командированными или вахтовиками на больничном, уставшими от казенной пищи.

Иван занял столик в дальнем углу. К нему подошла молодая девушка в переднике с названием кафе и очень усталым видом.

– Что будете? – спросила она бесцветным голосом, глядя мимо Ивана.

– Похлебать чего-нибудь и хлеба.

– Борщ, лапша, рассольник, – предложила девушка.

– Рассольник. И чаю. Черного с молоком и сахаром.

– Выпить не желаете? – Девушка наконец перевела взгляд на Ивана.

Наверное, алкоголь шел у них по особой статье и сулил хороший доход.

– Нет, не желаю, – отказался Иван.

Он никогда не выпивал в обстановке, не располагающей к этому. А располагала она только в собственной квартире или на берегу реки или озера, где он точно был один.

Девушка снова скисла.

– Десять минут ожидания, – сообщила она и ушла, виляя ягодичками.

Иван против воли загляделся на их гипнотические движения. Водители разговаривали громко, чуть ли не на весь зал. Обсуждали свои шоферские особенности. Иван невольно стал прислушиваться к ним.

– На Тазовский давно ходил? – спросил один из них, в клетчатом замызганном свитере.

– Давно. А что? – поинтересовался другой, в очках и с залысиной.

– Там за сорок километров до поселка грунт просел. Участок метров двести опустился, треснул, а из трещины жижа сочится. Дорожники присыпают ее щебнем, но хватает на пару дней. В темноте можно и влететь в эту кашу. Там, правда, знак поставили, но кто тут на них смотрит.

– На Лимбяху та же беда. Не двести, конечно, метров сорок, но тоже просело. А еще там вонять стало, как будто газ шурует. Никакого знака не надо – завоняло, притормаживай, – сообщил третий товарищ, мужчина в синей футболке, из-под которой в районе шеи выглядывали дикие заросли волос. – А Колька помните на «татре»?